

И. С. Тургенев

На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней Лесков продолжал отстаивать литературное наследие своего великого земляка. Имя Тургенева не сходит со страниц беллетристики и публицистики, эпистолярного наследия и воспоминаний Лескова от истоков его творчества до того периода, который сын писателя Андрей Николаевич Лесков назвал «путем к маститости», «в зените чтимости и на закате дней»*.

Нередко в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные умонастроениям Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений. Например, лирическая медитация эпилога романа Тургенева «**Дворянское гнездо**»: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»** — звучит в поздних лесковских письмах, в рассказе «**Колыванский муж**» (1888).

В журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков опубликовал цикл статей «**Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки**» (1878)***. Характеристику событий, описанных в Деяниях, — «чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу»; «много чудес и знамений совершилось через Апостолов»; «Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса» (Деян. 2: 19, 43; 4: 30) — писатель наполнил актуальным смыслом, аналитически выявляя «болевыe точки» нынешней России.

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: В 2 т.— М.: Худож. лит., 1984.—Т. 2.— С. 169, 359.

** Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: ГИХЛ, 1956—1958.— Т. 11.— С. 421. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

*** Церковно-общественный вестник.— 1878.— № № 19, 24, 25, 28, 33, 34.

Одну из статей данного публицистического цикла Лесков посвятил Тургеневу в его юбилейный год — именно в тот переломный период, когда 60-летний писатель объявил о своем намерении прекратить литературную деятельность.

Вовсе не случайно для отклика на взбудоражившее общественность намерение Тургенева «положить перо» Лесков избирает страницы «Церковно-общественного вестника», в котором он много и плодотворно сотрудничал в 1870-е—1880-е годы. Это издание привлекало писателя, горячо убежденного в том, что в Евангелии сокрыт «глубочайший *смысл жизни*» (XI, 233), стремлением к христианскому деланию, умением быть «беспристрастным», сохранить «в своем скромном положении всю свободу отношений к вопросам жизни нашего общества»*.

Редакция журнала в бесподписной «Литературно-общественной заметке (По поводу прекращения литературной деятельности И. С. Тургенева)» (1878) высказывалась в защиту «ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева»** незадолго до появления статьи Лескова, который продолжил поднятую тему «об этом же высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях “положить перо и более за него не братья”» (2).

С лесковской точки зрения, заявленное Тургеневым намерение столь общечеловечески значимо, что произнесенный им «*обет молчания*» никак «нельзя пройти молчанием» (2). Роль писателя в жизни и развитии России столь велика, что деятельность власть предержащих, сильных мира сего не идет ни в какое сравнение: «его <Тургенева.— А. Н.-С.> решимость “положить перо” — это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку» (2).

О напускной значительности высоких чиновных персон — важных с виду, а по сути никчемных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «*Колыбельной песни*» (1845) Некрасова: «*Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой*»), — Тургенев высказался в романе «*Новь*» (1876): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнут в нос; и только самые высокие сановники и хрипяти гнут-

* Лесков Н. С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 34. — 19 марта. — С. 2. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

** См.: Б. п. Литературно-общественная заметка (По поводу прекращения литературной деятельности И. С. Тургенева) // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 27. — 3 марта. — С. 3—4.

*** Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978—1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 9. — С. 252—253. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

сят в одно и то же время»*.

Лесков подхватил и развил эту выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: «в его <Тургенева.— А.Н.-С.> последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, “хрипят”, а по штатской — “гундосят”. Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или “хрипеть”, или “гундосить”. В этом скука и несчастье России» (3). Поистине — универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой бюрократии. Лесков обнажает ее низменные «зоологические» черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона» (3).

Так писатель отводит своему старшему земляку первостепенное место не только в отечественной словесности, но и в общественной жизни России: «Иван Сергеевич — лицо слишком крупное среди всех наших величин. <...> На художественных образах Ивана Сергеевича совершался подъем нашего вкуса и чувства; он силою своего вдохновения раздул в наших сердцах божественную искру сострадания и участия к “крепостному человеку” — искру, обратившуюся в пламя» (2). «Божественная искра», зажженная Тургеневым, для Лескова-христианина не просто словесно-поэтический образ.

В тургеневских типах, по верному лесковскому суждению, выражена квинтэссенция социально-психологического состояния современной эпохи: «О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то *знакомое*, что об этом именно думали, говорили и художник в своем произведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно» (XI, 146).

Вывод Лескова о громадной роли Тургенева в духовно-нравственной жизни страны: «Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России», — заострен против недостойных выходов тех, кем «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» (2).

Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно» (2). Тех и других Лесков уподобляет,

* Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1978—1982.— Сочинения: В 12 т.— Т. 9.— С. 252—253. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост» (2). «Осмеять можно все,— замечает автор статьи,— как все можно до известной степени ополщить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения» (3).

Лесков горячо выступил в защиту «генерала от литературы» Тургенева — «слишком крупного среди всех наших величин» — от всякого рода «литературных <и не только литературных.— А.Н.-С.> хамов» (2). Травлю великого русского писателя устраивала не одна литературная критика. Подключились дворянство и бюрократия — в гнуснейших проявлениях чиновничьего чванства. Лесков изложил подлинные факты неуважительного отношения к Тургеневу даже со стороны его земляков — орловского дворянства и чиновной братии: «Какие хамы у нас в двор<янских> собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью “Новостей”, где литературный хам “отделал Фета”. Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья! <...> Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента» (XI, 375).

В тургеневском творчестве видел Лесков «торжество нации» на всемирном уровне: «это “мирное завоевание” в образованной среде дали России <...> мягкосердечный Тургенев и Лев Толстой <...> А что им за это дома? Шиш и презрение глупцов, презрения достойных»*. Невыдуманный лесковский «рассказ кстати» на эту тему, практически не известный широкому кругу читателей, заслуживает того, чтобы детально с ним познакомиться.

Лесков пишет: «И у меня есть пример, как относится к Тургеневу среда очень ему близкая, которая могла бы по преимуществу показать свое уважение к нашему писателю,— это его земляки в самом тесном смысле слова,— орловское просвещенное дворянство.

Несколько лет назад (когда уже Тургенева сильно порицали в литературе) я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства, и в одном разговоре о Тургеневе заметил:

— Чтобы хоть вам выразить свое сочувствие Ивану Сергеевичу, которым может гордиться ваша среда: хоть бы одну стипендию его имени учредили в своей гимназии да хороший портрет его повесили в читальной комнате дворянского собрания!

Брат улыбнулся и отвечал:

— К сожалению, это невозможно.

* Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 435.

— А почему?

— А потому, что он у нас не пользуется большими симпатиями.

— За что же?

— Да так... Эти его “освободительные идеи”, и прочее... Куда тут о нем заговаривать?

Так о нем и там, на стогнах града, который может гордиться честью его рождения, “неудобно заговаривать”. Это уже совсем доля пророка, которому нет чести в отечестве своем.

<...> И вот после одной из самых недавних побывок Тургенева, один личард особых поручений <в значении — верный слуга, лакей, раболепный чиновник.— А.Н.-С.>, обращающийся при докладе у одного сановника, рассказал, как “они дали Тургеневу *асаже*”, то есть пустили его, по его обер-офицерскому чину <низший офицерский чин от 14-го (последнего) до 9-го класса в «Табели о рангах».— А.Н.-С.>, самым последним. И этот господин, пожалуй, не лгал: теперь это вполне статочно. По крайней мере, явные и тайные советники <тайный советник — гражданский чин 3-го класса в «Табели о рангах» — соответствовал высшим государственным должностям.— А.Н.-С.>, при коих мне довелось слышать рассказ об этом крупном событии, находили, что это так и следовало. “Прежде всего-де *порядок*”.

Таким-то способом эти знаменитые люди и сподобились дать почувствовать европейски известному соотечественнику свое департаментское величие! И они рады, они хвастались, что нашлись, как отомстить Тургеневу» (4—5).

По обыкновенному бюрократическому заведению канцелярское ничтожество устраивает свою гаденькую «месть» великому писателю за его талант и свою бездарность. «Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет»*, — говорится в другой лесковской статье — «**Заповедь Писемского**» (1885).

Впрочем, уже весело замечает Лесков о Тургеневе, «Иван Сергеевич был отомщен каким-то отставным “корнетом Отлетаевым”, который, не любя дожидаться, назвал себя самым большим советником и вошел в рай первым» (5).

Независимый в своей христианской позиции — вне партий и так называемых направлений — Лесков и в данном случае также выступил против «направленской лжи» (X, 243) и «узости». Он высоко ценит Тургенева за то, что писатель, верный правде художественного факта — «едва ли не самой важной правде», — не потакал «вкусам и склонностям того или другого направления» — «направленской фантазмагории»: «изображенные им лица по преимуществу не отвечают требованиям направленской прямолинейности, которая желала бы видеть в

* Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 1.— С. 279.

Базарове или рыцаря без пятна и упрёка, или негодяя, тогда как он только то, что есть <...> Но художник был ни на той, ни на другой стороне. Он был просто на стороне *правды*» (3—4). Точно так же сам Тургенев в статье «**По поводу “Отцов и детей”**» (1869) формулировал свое писательское credo: «я, прежде всего, хотел быть искренним и правдивым» (11, 90). Писатель в полной мере сознает себя духовно и нравственно ответственным за каждое слово; в художественном изображении жизни стремится быть предельно объективным, безупречно честным, слушаться голоса совести: «совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу; я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душою в таком деле. Слово “уважать” даже тут не совсем у места; я просто иначе не мог и не умел работать» (11, 87).

Из-за чего же Тургенев решился «положить перо»? Лесков размышляет: «Из-за того, что с ним грубо обошлись? Это едва ли достойно его благородного характера и крупного дарования <...> у нас грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться. Но что же с этим делать? Неужто сейчас и бежать, надув губу, как барышня среднего круга, которая всем обижается? Это не лучшая черта в характере общественного человека» (4).

Со всей прямоотой, свойственной его кипучей натуре, Лесков укоряет Тургенева за «едва ли зрело обдуманное и, во всяком случае, недостойное его решение не брать пера в руки». В то же время этот вынужденный «*почтительный укор*» высоко ценимому писателю продиктован «любовью и почтением» к нему. Однако по праву тех, «кто любят и ценят» Тургенева (Лесков, без сомнения, наделен всей полнотой этого права), он указывает на «недостаток *мужества* при некотором излишнем *самолюбии*, скрывающем от его <Тургенева.— А.Н.-С.> нынешней наблюдательности всегдашнюю, неизменную любовь к нему истинно образованных людей» (4).

С законной гордостью говорит Лесков и о своем родном городе, подарившем мировой культуре знаменитого писателя-земляка: «в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всем образованном мире». В то же время с болью признает Лесков горькую библейскую истину о судьбе пророка в своем отечестве: в России писатель с мировым именем должен разделить «долю пророка, которому нет чести в отечестве своем» (5).

Автор «**Чудес и знамений**» для полноты картины приводит факты о том, как готовились поляки к общенациональному празднованию юбилея их романиста Крашевского, который, по мнению Лескова, «стоит чего-нибудь только за неимением лучшего на их полнейшем литературном безлюдье» и не достиг, «чтобы понести портфель за

нашим европейски известным Тургеневым» (4). С горечью и болью это сопоставление продолжено в неподписной статье «Успех Крашевского» (1878): «Поздравляем господ поляков с умением уважать и ценить своих писателей и не без любопытства ждем: чем они еще искусятся пристыдить нас за наше жестокое обращение со своими замечательными людьми»*.

Писатель считает, что из-за «подобных противных пустяков» нельзя отворачиваться от русской жизни «лучшим людям, чтобы не предать в ней все целиком людям худшим» (5). Лесков убежден, что в принятии ответственных решений выдающимся писателем должны руководить не «обидчивость», не излишнее «самолюбие» и не упадок мужества в окружении стана «злоехидных» врагов-злопыхателей (к слову, собственную литературную судьбу Лесков не раз обозначал поэтическими строками: «Здесь человека берегут, / Как на турецкой перестрелке»), а только любовь — к Родине и ее людям, кому необходим честный и чистый голос великого русского художника слова.

Лесков напоминает о заветах евангельской любви и прямо Тургеневу адресует апостольские слова, выделенные в статье цикла «Чудеса и знамения» курсивом: «любовь <...> никогда не перестает», — стремясь побудить писателя отказаться от решения перестать творить: «“Любовь долго терпит, милосердствует, не гордится, не раздражается — все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит и никогда не перестает, хотя и языки умолкнут и знание упразднится” (1 Кор. 13: 4—8)» (5).

Проводя сопоставление писательских воззрений своих крупнейших современников — Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, — которых русская общественность одинаково нарекла «великими учителями» (XI, 155), Лесков в статье «О куфельном мужике и проч.» (1886) определил тургеневскую литературную позицию как гуманистическую: «Достоевский был православист, Тургенев — гуманист, Л. Толстой — моралист и христианин-практик. Которому же из этих направлений наших трех учителей мы более научаемся и которому последуем?» (XI, 156).

Собственные мировоззренческие установки и идейно-художественные искания Лескова — самобытнейшего писателя русского — в этот контекст не укладываются. Так, они не исчерпываются понятием

* Б.п. Успех Крашевского // Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 40. — 2 апреля. — С. 5. Подшивка «Церковно-общественного вестника» за 1878 год с многочисленными пометами сына Н. С. Лескова хранится в личной библиотеке Андрея Николаевича Лескова в Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева. А. Н. Лесков называет указанную неподписную заметку «лесковской». По тематике публикация непосредственно связана с фрагментом статьи Н. С. Лескова «Чудеса и знамения» о Тургеневе (см.: Церковно-общественный вестник. — 1878. — № 34. — 19 марта. — С. 2—5).

«гуманизм», поскольку оно, по верному замечанию Д. С. Лихачева, не передает «всей гаммы сочувствия и любви»*, которая свойственна творчеству Лескова. Его художественный мир одухотворяется идеей христианского подвижничества, праведничества.

Замечательные образы праведников оживали и в тургеневском творчестве (например, Лукерья — героиня рассказа **«Живые мощи»** (1874) — напоминает сострадательно-одухотворенные женские лики русских икон).

Полузабытая лесковская статья **«Пустозвон Питча о Тургеневе»** (1884)** важна тем, что была направлена на защиту Тургенева от неосновательных нападок газеты А. С. Суворина «Новое время». Писатель обратился с письмом к своему «коварному, но милому доброприятелю»*** (как он называл Суворина) по поводу своей полемики с редакцией «Нового времени» о Тургеневе. Лесков указал, что не может оставлять без внимания и не замечать невежественных попыток превратного толкования дорогого для него тургеневского творчества: «есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу <...> Тем, кого это досадует,— лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее»****.

В статье **«Писательская кабала»** (1894) Лесков уже на закате дней с характерных для него литературно-общественных позиций продолжает отстаивать тургеневское художественное наследие.

Эта поздняя статья перекликается с дебютной публикацией Лескова, обозначенной постановкой духовной христианской темы. Первым печатным лесковским произведением явилась статья о распространении Евангелия на русском языке <**«О продаже в Киеве Евангелия»**> (1860). Вступивший на литературное поприще молодой автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не всем. С самого начала творческого пути писатель определился в своих созидательных установках. Первая его корреспонденция явилась *«духовным компасом»*, указавшим автору магистральное направление всего его творчества: «случайно или умышленно,— отмечал биограф П. В. Быков,— но Лесков словно наметил в ней <заметке — А.Н.-С.> программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдою, с невежеством, со всеми темными сторонами жизни, на горя-

* Лихачев Д. С. Слово о Лескове // Литературное наследство.— Т. 101: В 2 кн.— Неизданный Лесков.— М.: Наследие, 1997.— Кн. 1.— С. 16.

** См.: Новости и Биржевая газета.— 1884.— 23 августа.— № 232.

*** См.: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 444.

**** Из литературного наследия Н. С. Лескова. Публикация J.-C. Marcadé // Revue des études slaves. Tome cinquante-huitième.— Fascicule 3.— Nikolaj Semenovič Leskov. 1831 — 1895.— Paris, 1986.— P. 438.

чую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного»*.

Поднятая в крохотной заметке проблема оказалась столь животрепещущей, что получила большой общественный резонанс**. Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той давней публикации отмечалась даже и тридцать лет спустя. В 1890 году «Новое время» указало на первую лесковскую «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продается по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия»***.

Лесков отметил как «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведенную «на понятный нам язык»****. В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы.

В дописательские годы сам Лесков занимался делами коммерческой фирмы и хорошо знал экономические законы. Однако в данном случае автор «**Корреспонденции (Письма г. Лескова)**» (1860) справедливо требует отличать в книжной торговле «дело Божеское» от спекулятивно-коммерческого: «как же книгу, назначенную собственно для общего употребления всех и каждого, сделать такую недобросовестною спекуляциею?» (с. 150). Автор заметки особенно огорчен тем, что переведенное на русский язык Евангелие, ставшее доступным для понимания простых людей, не попадет в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомалец» «принужден отказать себе в приобретении Евангелия, *недоступного для него по цене*» (1, 147).

Как и в дебютной своей публикации, в которой начинающий автор выступил против беззастенчивых спекуляций с Евангелием, Лесков в

* Быков П. В. Н. С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация.— 1890.— № 20 (112).— С. 333.

** Заметка была опубликована без подписи в газете «Указатель экономический» (1860.— № 181.— Вып. 25.— С. 437); в очередном номере «Указателя экономического» (1860.— № 186.— Вып. 30.— С. 508) появилась новая анонимная заметка на ту же тему; с подписью: Николай Лесков — напечатана «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» // Санкт-Петербургские ведомости.— 1860.— № 135.— 21 июня.— С. 699—700. Эта же работа была перепечатана под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других» // Книжный вестник.— 1860.— №№ 11 — 12.— С. 105—106.

*** Б.п. // Новое время.— 1890.— № 5139.— 21 июня.— С. 3.

**** Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т.— М.: ТЕРРА, 1996 — издание продолжается.— Т. 1.— С. 149. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

статье «**Писательская кабала**», написанной за год до смерти, снова возвышает свой голос в защиту духовности, поднимая важную социально-нравственную проблему, которая имеет также правовой, юридический аспект.

Речь идет об авторском праве, а также о проблеме книгоиздательства, о распространении и доступности для самой широкой читательской аудитории доброкачественной духовной пищи из сокровищницы русской литературы — имя Тургенева и его произведения поставлены здесь на первое место.

Поводом для написания статьи послужило второе издание в серии «Доступная библиотека» И. И. Глазунова тургеневских рассказов «**Живые мощи**» и «**Муму**». «Г-н И. Глазунов начал издавать “Доступную библиотеку”. <...> В чем же именно заключается, по его мнению, эта “доступность”? — задается вопросом Лесков. — Как обладатель прав на издание сочинений И. С. Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надумился выпускать дешевыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из “Записок охотника”. Изданные, хотя и неопратно, плохо отпечатанные, непрочно сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их “доступными”: он печатает их так же неопратно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом — рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей “доступности” назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней...»*.

Лескова возмущает аляповатость издания тургеневских рассказов, в котором форма не отвечает внутреннему эстетическому содержанию гармоничного творчества Тургенева, — а также спекулятивная цена, назначаемая за вульгарно изданную книгу великого писателя и делающая таким образом чтение его произведений недоступным для народа.

Поднимая юридические вопросы об авторском праве, создатель статьи «**Писательская кабала**» горячо протестует против закона о сохранении прав литературной собственности за издателем в течение 50 лет после кончины писателя. Столь долговременное монопольное владение крупных книгоиздателей — «торгашей», «людей наживы и спекуляции» — литературными правами умерших и живущих писателей не может не препятствовать, по справедливому мнению Лескова,

* Лесков Н.С. Писательская кабала // Литературное наследство. — Т. 101: В 2 кн. — Неизданный Лесков. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — Кн. 2. — С. 259.

распространению творческого наследия великих художников слова для самых широких слоев читателей: «желая набрать по несколько лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его еще 39 лет, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечет 50 лет со времени кончины писателя»*.

Статья Лескова, хорошо знавшего книжное дело в России, подводит невеселые итоги: «В том-то вся беда и заключается, что почти все издательское дело находится в руках людей наживы и спекуляции.<...> все это <...> спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в нее с улицы. И те и другие губят писателя. А умрет он — начинают жать соки из его сочинений, кабалить и тормозить их и уверяют, будто создают “доступные библиотеки”»**.

Речь идет об особом духовно-аналитическом подходе к оцениваемым событиям общественной и литературной жизни, что позволяет писателю совместить дальнее и горнее, тленное и нетленное, мимолетное и непреходящее, вечное.

Лесков горячо защищал дорогое для него имя Тургенева от бесвестных спекуляций, ратовал за подлинную, а не показную доступность его произведений для самого широкого круга читателей, за **необходимость истинного постижения тургеневского творчества, исполненного любви и света**, который *«и во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Ин. 1: 5).

* Там же.— С. 260.

** Там же.— С. 261.